

SECOND CLASS POSTAGE PAID AT NEW YORK, N. Y.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York, N. Y. 10019

— ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1910 ГОДА —

КРАТКИЕ НОВОСТИ

• В Бейруте (Ливан) в четверг произошли три террористических акта. В помещении алжирского посольства взорвалась бомба. Здание посольства сильно повреждено. Две бомбы взорвались в конторских домах в центре города.

• В Вашингтоне, министерство труда ассигновало 475.000 долларов на подготовку строительных рабочих из числа негров, пуэрториканцев и др. меньшинств.

• В Бильбао (Испания) баскские националисты похитили владельца большой мотоциклетной фабрики и угрожают убить его, если правление предприятия не примет обратно на службу группу недавно уволенных рабочих.

• Забастовка шахтеров в Великобритании длится уже 12 дней. Бастуют около 280.000 рабочих каменноугольных шахт. Возобновившиеся в четверг переговоры вновь прерваны после почти трехчасового заседания, ввиду невозможности для сторон достигнуть договоренности хотя бы по общим принципам будущего коллективного договора.

Отец Зосима и Алеша Карамазов

Весной 1878 года, когда Достоевский начал работать над романом «Братья Карамазовы», неожиданно умер его любимый сын Алеша, в котором он души не чаял. Горю отца не было предела. Чтоб найти какое-то успокоение, Достоевский поехал в Оптину Пустынь, где он вообще и раньше собирался побывать. В этой поездке Достоевского сопровождал его молодой друг В. С. Соловьев, бывший постоянным посетителем в доме Достоевских и любимым собеседником писателя. Незадолго до печального события, той же весной, в течение Великого поста Вл. Соловьев читал цикл лекций о Богочеловечестве, и его неизменным слушателем был Достоевский, ценявший ум, глубокие познания и религиозные убеждения молодого философа.

Оптина Пустынь была расположена в 2-х верстах от небольшого уездного города Ковельска Калужской губернии, на берегу речки Жидтры, у опушки векового бора. Вот как описывает обитель прот. Сергей Четвериков в своей книге «Оптина Пустынь»:

«Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем сильнее охватывает душу особое чувство: словно открывается дверь в XIV и XV век, и оттуда веет стариной, благотестивой Русью, словно дуновение древних подвижников и молитвенников и их тихие кельи раскрывают перед вами свой внутренний мир».

По одной из версий, идущих от прекрасных времен, Оптиная Пустынь обязана своим наименованием разбойнику Опте, который, покаявшись, пожелал молитвами, слезами и покаяниями искупить свои грехи и положил начало монастырю.

Оптина Пустынь была неофициальным, но подлинным средоточием православной церковной культуры и духовности. Недаром ряд знаменитых русских людей, деятелей русской культуры, ощущавших потребность религиозного вдохновения, стремились к этой тихой обители и искали у ее скромных обитателей разрешения своих недоумевных вопросов.

Здесь бывали и Гоголь, и братья Караевские, и К. Леонтьев, а также несколько раз и Лев Толстой.

Достоевский и Вл. Соловьев провели в Оптиной Пустыни двое суток. Во время их посещения еще был жив знаменитый старец нероскошных Амвросий, прославившийся в народе даром провидения и чудотворения. Достоевский выделял с ним три раза — раз в толпе, при природе, и два раза наедине. По свидетельству жены писателя, беседы с о. Амвросием привели на Достоевского глубокое впечатление. А. Г. Достоевский пишет в своих воспоминаниях:

«Когда Федор Михайлович рассказал старцу о постигшем его несчастии и о моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующий ли я, и когда Федор Михайлович ответил утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери. Из рассказов Федора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведцем и провидцем был этот всеми уважаемый старец».

Старчество — это особый вид православного религиозно-

го опыта, может быть, правильное сказать — святости. Старец — это инок, сумевший отречься от своей самости, всецело отдавшийся служению Богу, путем длительных духовных упражнений, непрестанной внутренней молитвы и внутренней созерцательной жизни достигший высокого духовного совершенства, мудрости и прозорливости. Основным свойством старца является дар любви, которую он распространяет всякого человека, приводящего к нему.

Старцы были буквально осязаемы людьми всех положений и слоев общества, жаждавшими получить от них совет, внушение, утешение, молитвенную помощь. Многие иноки находились в их всецелом послушании. Достоевский следующими словами характеризует роль старца в духовной жизни верующего:

«Старец — это берущий вашу душу, вашу волю и свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

В своем последнем и важнейшем произведении «Братья Карамазовы» Достоевский ставит Алексея Карамазова — по замыслу автора, главного героя романа — именно на такой путь приобретения религиозного опыта — свободного послушания старцу. Возросли духом и внутренне укрепившись, Алеша покинет свою духовную школу, обитель, и пойдет в мир на служение людям. На этот путь благословляет его старец. Смерть не дала Достоевскому осуществить его заветную цель до конца и в замысле романа описать жизнь Алексея в миру.

Но уже и в осуществившейся части большого замысла сконцентрированы и с предельной ясностью выделены все религиозно-нравственные идеи писателя, высказывавшиеся им ранее. Их диалектическое развитие идет по двум противоположным направлениям: вера и атеизм, послушание и бунт, Бог и сатана; и все это переплетается и ведет борьбу между собой. При этом, вследствие своеобразного творческого метода Достоевского, создается иной раз впечатление, как будто бы автор остается нейтральным: творец как бы дает своему созданию свободу развиваться, предоставляя и читателю свободу вывода.

Особенно ярко это выражено в центральном месте романа, в «Легенде о Великом инквизиторе». В ней отпущение Бога и мира Божьего доведено до предела. Во внешнем плане оно даже как будто торжествует. Христос молчит. Но трудно впечатлеть более обаятельный, более покоряющий образ Богочеловека, сошедшего на «стогны жаркие» южного города. В нем вся целомудренность и глубина веры Достоевского, прорезанная через «горнило сомнений» и превратившаяся в победную «осанну». Образ Божий одних своим присутствием об-

нажает и уничтожает неуверительную долу «страшного и умного духа, духа самоуничтожения и небытия».

Человек, по мысли Достоевского, абсолютно свободен. Именно абсолютная свобода сознательного выбора между добром и злом делают человека высшим творным существом. Ему открыты все пути. Путь Богочеловеческий, при добровольном подчинении воле Божьей, ведет к соединению человеческой свободы с Божественной свободой, человеческого образа с Божественным образом, к полному и гармоничному раскрытию человеческой личности. Только в свободном единении с Богом и в вытекающем из него единстве душ люди могут создать целостную и гармоничную жизнь.

Гордые люди, желающие сами творить добро и зло, вступают на путь богочеловеческий. Он уводит от гармонии и света и приводит к полному разложению личности, к разобщению людей и грубой тасовке. Таков путь Раскольникова, Ставрогина, Шигаева, Ивана Карамазова.

Первым же, Богочеловеческим, путем идут князь Мышкин, иноки Тихон, Макар Долгорукий, Зосима, Алеша Карамазов.

Новые методы нужны для установления гармонической жизни и подлинно братских отношений среди людей. Они даны в поучениях старца Зосимы. В них ветхозаветному отделению чистого от нечистого противопоставляется прощание чистого и нечистое для его преобразования. Человек становится чистым, только осознав свою нечистоту, свою вину за всех и за все. «Всякий из нас пред всеми во всем виноват», говорит младший брат о. Зосимы. Человек, сознательно или подсознательно оцупающийся в себе религиозную миссию, должен войти в соприкосновение с умиленным и падшим. Говорит о. Зосима: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его».

С. Аскольдов в статье «Религиозно-этическое значение Достоевского» говорит: «Задача этого соприкосновения, конечно, не в том, чтобы непременно замарать свои белые духовные одежды, а в том, чтобы внутренне пережить простым сочувствием и пониманием».

Это показано на личности Алеши. Он именно способен к

такому сочувствию и пониманию.

Алеша — живой человек с плотью и кровью и даже с греховными потенциалами. Но его свобода подчиненна старцу предохраняет его от активного соучастия в грехе. Он только страдает грех творящему, пожимает его, переживает с ним его падение и поэтому может помочь ему.

Одним из главных свойств Алеши является смирение — черта, тонко подчеркнутая Достоевским в православии.

Образ старца Зосимы сильно отличается от традиционного образа православного старца, зафиксированного в последнем столетии в русской церковной действительности и русском церковном сознании.

Он чужд обычной строгости и суровости монаха-подвижника; его учение состоит не в разлитии отвлеченных книжных церковно-догматических идей, а в пробуждении подлинного религиозного опыта и свободного религиозно-созерцательного размышления.

«Наполнял ум помышлением надменным... конфетом» польпался», порицает старца Зосиму его идейный противник, представляющий непросветленного, темного, неверного монашества — одержимый бесами о. Феррионт. Во внешней церковной организации было и есть не мало подобных фигур.

Но в лице старца Зосимы Достоевский не придумал совершенно нового, до того не существовавшего образа.

«Русский инок» в смысле Достоевского оказывается не случайно, указывает о. Г. Флоровский в своей книге «Пути русского богословия». С начала прошлого века в России стал возбуждаться интерес к духовной жизни, стало оживать созерцательное монашество, старчество, начал ставиться вопрос о личном пути, о христианской жизни. Помимо Оптиной Пустыни были и другие средоточия этого нового веления. Св. Тихон Златоустский (подвизавшийся еще в XVIII веке), преподобный Серафим Саровский, епископ Феофан Затворник тоже ярким представителями русского духовного возрождения.

«Силою своей художественной пропорции Достоевский угадал и распознал эту серафическую струю в русском благочестии, и назревшую линию пророчески продолжил».

о. Дмитрий Григорьев

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПЕТИЦИИ — ПРОТЕСТЫ
СООБЩЕНИЯ ОБ ОБЫСНАХ, АРЕСТАХ,
СУДАХ И ССЫЛКАХ,
РЕГУЛЯРНО ПЕЧАТАЮТСЯ

— В —

НОВОМ РУССКОМ СЛОВЕ